

Русский язык

УДК 81'373

Астахина Л.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ В ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ЛЕКСИКИ*

Аннотация: В статье исследуется эволюция тематической группы наименований полевых культур в XVI–XX вв. Автор утверждает, что в связи с преобразованием тематической группы в терминологическую в ней изменяются родовые и видовые соответствия.

Ключевые слова: тематическая группа, термин, родовые и видовые соответствия.

Тематической считается группа слов, представляющая перечень наименований предметов определённого характера. Таковы, например, названия полевых культур: *рожь, пшеница, ячмень, овёс, гречиха, горох* и др. Среди учёных существует мнение, что подобные группы не могут быть объектом лингвистического исследования, так как никаких изменений в них не происходит, если не считать количественного прироста их компонентов. Так, академик Д.Н. Шмелёв полагал, что подобные группы «характеризуются такой совокупностью признаков, которая стоит вне собственно лингвистических измерений» [1]. Для всех ли тематических групп справедлив такой приговор или могут быть исключения?

В процессе бытования в русском языке тематической группы названий полевых культур выявились некоторые особенности, позволяющие говорить об эволюционных процессах в ней.

В посевных, ужинных, умолотных и опытных книгах XVI–XVII вв., хранящихся в рукописных фондах Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Владимирской области, группа названий полевых культур включает следующие: *рожь, овес, ячмень* (или *жито, житарь*), *пшеница, ярица* (или *овыдь, ярая рожь*), *греча (гречиха), горох, лён, семя конопляное, конопельное* (или *симя*). Книги велись в различных хозяйствах, в частности в монастырях, учёт посева и урожая в них составлял жизненную необходимость. Записывалось количество посеянного зерна на

монастырских полях Кирилло-Белозерского монастыря, на участках отдельных половников Троицко-Гледенского монастыря, на полях, обрабатываемых крестьянами и «детёнышами» Иосифо-Волоколамского монастыря, на крестьянских изорных десятинах (изорах, изорницах) Суздальского Покровского монастыря. В вотчинных и монастырских хозяйствах Новгородской земли, Подмосковья, а также на территориях Сибири в XVI–XVII вв. также вели учётные посевные книги. С не меньшей точностью вносили сведения в ужинные, умолотные и опытные книги о собранном урожае. Слово *хлеб* объединяло все перечисленные выше культуры, было родовым наименованием в этой группе: «Ужато гсдрва отписного хлеба семь копен сотных ржи, да четыре копны сотных жита, да три копны овса», – читаем в ужинной книге отписного хлеба 1586 г. [2]. «Всего, всяког хлеба приполону бгъ послал за семяны ржы и пшеницы и ячмени и гороху и семяни конопельного и ярицы и овса #AKS чети», – фиксирует книга 1606 г. Кирилло-Белозерского монастыря [3]. В той же роли выступает наименование *хлеб* в заглавиях книг и тетрадей: «Книги Кириллова мнстря... а в них записано в котором селе посеяно и сколько мнстрьског хлеба РПД (1676) году в мае мсце и что бгъ послал приполонного хлеба» [4]; «Книги мнстрьскому яровому хлебу овсу и ячмени» [5].

Синонимы в данном лексическом объединении отражают состояние полевого хозяйства на различных территориях, условия преобладания той или иной культуры. Таковы слова *жито* и *житарь*. Любой зерновой хлеб (на корню, в снопах, в зерне) в более ранних памятниках обозначался словом *жито*: «Изби мраз всяко жито и бысть дорогость люта» (1-я Псковская летопись, под 1314 г.). В древнерусском языке *житом* именовали не только любой зерновой хлеб, но и рожь, и ячмень, и даже лён [6].

В большинстве случаев определить значение слова *жито* в древнерусских памятниках (что имеется в виду – зерно, хлеб вообще

* © Астахина Л.Ю.

или какая-либо отдельная культура) из-за неясности контекстов невозможно. Сельскохозяйственные книги, как более поздние, такую возможность открывают. В значении 'любой зерновой хлеб' *жито* в них не встречается. В качестве названия одной культуры оно сохранилось в книгах XVI–XVII вв. Так, в книге 1605 г. Новгородского Софийского дома *житом* называли одну культуру: «Высияно софииских симян на половной земли жыта 3 четвертеи, овса Д четверти» [7]. Ср. в волоколамской книге 1617 г.: «Дано... крстьяном ДІ чети овса, Г чети жита» [8]. Монастырские писцы называют жито яровым хлебом: «За высевом у PKS (1617) году декабрия по 3 дн осталось нне в мнстре в живе старова ярового всякаго хлеба и з заемным Н чети муки овсяной, ЗІ чети жита и муки житной, ВІ чети солоду житнаго, З чети пшеницы» [там же]. Среди возделываемых культур ячмень не указывается, хотя известно, что его в волоколамских местах высевали; по-видимому, *житом* называли ячмень. В XII–XV вв. волоколамская территория принадлежала Новгороду, возможно, и новгородское *жито* тоже 'ячмень'. Заметим: в двинских грамотах XV в. *жито* выступает как название отдельной культуры: «Сорок пuzов семенного жита» [9], а В.И. Чернышёв в междуречье Нерли и Пекши записал «мелкие жита» [10].

В суздальских книгах именовали *житарём* отдельную культуру: «Книги мнстрьскому хлебу овсу и житарю и гороху» [11], «высеяно мнстрьского житаря три четверти, да гороху высеяна четверть, осталось житаря две четверти бес полуосмины» [там же]. Житарь, как видим, учитывается в ряду яровых культур, но какая именно культура таится за этим словом, сказать трудно, тем более что в этих местах слово *житарь* регистрируют в значении 'ячмень' и 'яровая рожь' [12]. Диалектологи фиксировали *житарь* в Дмитровском р-не Московской обл. в знач. 'ячмень' [там же], а в Новоторжском районе Калининской (Тверской) области – в значениях 'особый род ячменя с четырёхгранным колосом' и 'сорняк похожий на ячмень с короткими усамы' [13]. Опираясь на древнерусские данные, И. И. Срезневский толкует *житарь* как 'пекарь': «Постави старец отца моего житаря» (Синайский патерик, XI в.), «житарь пришед к преподобному Селеукию» (Минеи четьи, XVI в.). В начале XIX в. *житарем* именовали «пристава, имеющего надзирание за хлебом» [14], а в конце столетия на Урале *житарем* называли того, кто «самовольно косит или жнёт чужой хлеб» [12].

В памятях и отписках, поступавших из суздальских сёл в 30–50-х годах XVII в., отмечалась *ярица*: «Посеяно... на ма(на)стырские изоры ярицы шес(т)ьдесят четвертеи» [15], «пашня възорана, а сеят(ь) тое земълю овсомъ и ярицею» [16]. Книги Суздальского Покровского монастыря, сохранившиеся с 1659 г., упоминаний о *ярице* не содержат, в них пишут о *ярой ржи*: «Книга овсу ярой ржи и грече» [17], «ярой ржи высеяно на семи десетинах» [18], «ужато... дватцетъ сотниц ярой ржи и та ярая рожь перемолочена» [19].

Исходя из этих данных, можно говорить об исчезновении одного из синонимов, что не влечёт семантических изменений в тематической группе. Скорее, в ней проявляются признаки «относительной автономии» её членов (термин, употребляющийся при описании лексико-семантических групп слов). Можно усмотреть здесь признаки так называемого морфосемантического поля, в котором академик О. Н. Трубочёв отметил «наличие ряда общих характерных черт семантики и словообразования при мозаическом принципе примыкания и взаимосвязи слов, образующих замкнутое целое, без чёткой противопоставленности элементов» [20]. Этот принцип позволяет говорить о незамкнутом целом тематической группы названий полевых культур.

Родо-видовые связи – одна из универсальных разновидностей отношений, присущих лексическим группам. Привлечённые к исследованию источники показывают, что с течением времени родо-видовые отношения в группе наименований полевых культур претерпевают изменения.

В начале эволюционного развития составляющие её слова можно отнести к общедно-бытовой лексике, сохраняющейся в языке на всём протяжении его письменного существования. Ф. П. Филин писал, что убыль или «рост словарного состава в тематической группе не оказывает сам по себе какого-нибудь влияния на соотношение уже установившихся родовых и видовых понятий» [21]. Для отношений внутри группы наименований полевых культур это утверждение справедливо. Однако со временем, с развитием промышленного производства, с накоплением агрономических знаний по полеводству, а затем в процессе формирования науки о сельском хозяйстве эта группа наименований входит в качестве составной части в сельскохозяйственную терминологическую систему, что и обусловило перестройку родовых и видовых соотношений в перечне указанных

выше слов.

По современной сельскохозяйственной терминологии, список полевых культур – зерновых (хлебных, крупяных, бобовых), а также технических – значительно шире, однако для исследования привлекаем те названия, которые есть в книгах XVI–XVII вв.

Общий признак значений слов этой группы – «полевые культуры». Он свидетельствует о том, что в ней объединены названия культурных растений, выращиваемых на значительных земельных площадях – на полях. Дифференцирующим признаком, разделяющим эту группу на две неравные части, является признак, характеризующий эти слова как названия растений, имеющих «различное время посева». Озимой была только рожь, все остальные культуры – яровые. Соответственно времени посева вели в хозяйствах учётные книги: «ржаные» – о посевах под осень и сборе урожая ржи – и книги «яровому хлебу», в которых отражался весенний посев и осенний сбор яровых культур: «Книги ржанные и яровые, что бгъ послал ужато и умолено новаго всякаго ярового хлеба РКС (1616) году» [22]; «Книги ужинные и опытные и посевные села Хрепилева... ржаному хлебу» [23], «Книга... монастырскому яровому хлебу овсу пшенице гороху села Шипова» [24], – читаем в книгах Суздальского Покровского монастыря. Все книги Троицко-Гледенского монастыря, названные «хлебными», содержат записи и о посевах конопляного семени («симяни»): «Книга ржаным симянам что посеяно во всех тро(и)цких вотчинах ко 191-му году ржи и что посеяно будет во РЧА-м (1682) году овса и ячмени и всякаго ярового хлеба, и то в сей книге писано статьями» [25]. В той же книге находим: [посеяно] «симяни конопляного 2 решета» [л. 2], «приполону... симяни 2 решета» [л. 16 об.]. А в книгах Суздальского Покровского монастыря 1698 г. есть сведения о посевах льна, который относится к «яровому хлебу»: «Книги ужинные и опытные... яровому хлебу овсу, и гороху, и пшенице, и ячменю, и льну» [26].

Как видим, *хлеб* было обобщающим, родовым наименованием для *всех* полевых культур. Ср. итоговую запись книги Кирилло-Белозерского монастыря 1606 г.: «И всего всякаго ярового хлеба высеял старец Игнатей житник около монастыря на монастырскую пашню, на крестьянские десятины и что дворовые люди пахали, пшеницы, и ячмени, гороху, семени коноплянаго, и овса 370 чети с осминою» [27]. Ср. запись о расходе книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1617 г.:

«И всего всякаго ярового хлеба овса, и жита, и солоду, и ярицы, и пшеницы, конопель, и гороху... вышло в год...» [8].

«Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причём при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чём-либо существенном их значения» [28]. Тот факт, что в современной сельскохозяйственной терминологии лён и конопля относятся к техническим культурам, а горох – к зернобобовым, не меняет их значений, но показывает, что произошло родовое перераспределение в группе наименований полевых культур. Из наименований, объединявшихся словом *хлеб* (яровой), раньше всех выделились названия *технических* культур, а затем – *зернобобовых*. Заметим: в книгах XVI–XVII вв. о посевах и урожаях гороха, конопляного семени и льна, сообщалось *после* сведений о других яровых культурах. Возможно, это делалось потому, что размеры посевов и урожаи их были невелики и не играли в хозяйстве значительной роли, или вследствие того, что пишущие интуитивно ощущали некоторое несоответствие: на одной и той же странице приходилось записывать сведения о столь различных растениях (если иметь в виду их применение). Но хозяйственная необходимость и существовавшая традиция учёта диктовали форму ведения книги, организацию её содержания по единому принципу: одновременную регистрацию расхода семян при *одновременном* посеве хотя бы и столь различных культур.

«История лексики, – писал В.В. Виноградов, – тесно и органически связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей общественных мировоззрений... Связь истории языка с историей общественного развития обнаруживается непосредственно и всесторонне» [29]. Объединение наименований различных по характеру культур словом *хлеб* (яровой) в книгах определялось условиями производства. Первым звеном «производственной цепочки» был крестьянин, он пахал землю, сеял, собирал урожай. Потребителем большей части урожая являлся землевладелец, а меньшей – крестьянин. Здесь же, на месте производились изделия из выращиваемых растений: мука для выпечки хлеба, солод для кваса, пива, крупы для каш. Из льна и конопли получали масло и волокно, делали льняные ткани, а из пеньки – разнообразные нити, верёвки, канаты.. Принцип производства

натурального хозяйства определял характер учётной документации: разграничение только *по времени посева* (урожаи собирали одновременно – осенью). Когда же не вели особых «ржаных» и «яровому хлебу» книг, о посеве ржи сообщалось особо: «Во 145-м (1637) году апреля в 26 де(нь) посеяно на пельмской подгородной пашне яровых семян, а рожь сеяна августа в 1 де(нь)» [30]; далее следуют записи о количестве посеянного каждым крестьянином: «Нефетко Рожков на полдесятине посеял две чети овса да ко 145-му году посеял четь ржи» [там же].

О взаимоотношениях языкового и внеязыкового академик О.Н. Трубачёв писал: «Природа этого взаимоотношения такова, что системе реалий всегда соответствует лексическая система» [20], употребляя слово *система* в широком смысле: для обозначения связанной некоей общностью группы названий и понятий. В исследуемой тематической группе с течением времени происходили внутренние преобразования. Вначале общий признак значений «полевые культуры» объединял словом *хлеб* в микросистему эту группу наименований, впоследствии определявший мотив градации внутри группы – время посева – утрачивает свою актуальность, и грань, разделявшая наименования внутри группы, смещается. Происходят изменения на гиперо-гипонимическом уровне.

С развитием производства и оживлением товарообмена в XVII–XVIII вв. меняется отношение к сельскохозяйственным культурам. Лён и конопля становятся сырьём для промышленного производства, возрастает потребность общества в продуктах их обработки. Теперь их семена и волокно перерабатываются и находят применение не только там, где выращиваются эти растения. Целые отрасли промышленности заинтересованы не во всём «яровом хлебе», а только в культурах, объединившихся под названием *технические*, то есть которые «используют как сырьё для различных отраслей промышленности... Прядильные... содержат волокна текстильные в стеблях – лён-долгунец, конопля, джут... Лён, конопля и хлопчатник кроме волокна дают жирное масло» [31].

Зерновые культуры, по современной терминологии, подразделяются на *хлебные* и *зернобобовые*. Зерновые бобовые растения (горох, фасоль, вика и др.) не только имеют продовольственное и кормовое значение, но и являются сырьём для получения казеина, клея, пластмасс и др.

В то время как *зерновые хлебные* рас-

тения продолжали использоваться по-прежнему там же, где их выращивали, технология их обработки менялась медленно, а *технические* и *зернобобовые* растения находили более широкое применение в хозяйстве страны, возникала потребность и в терминах, которые зафиксировали бы такое разделение культур. Теперь родовое наименование *хлеб* исчезает, а такие культуры, как рожь, овёс, ячмень, пшеница, ярица и другие злаковые растения получают название *хлебные зерновые* растения, горох и подобные – *бобовые зерновые (зернобобовые)*, а лён и конопля – *технические*. Время посева теперь не играет первенствующей роли при классификации. С развитием агрономии и селекции озимыми стали пшеница и ячмень, а не только рожь, как было прежде. Изменился и принцип учёта, повлиявший на изменение группировки наименований полевых растений, что в свою очередь привело к смещению родовых и видовых соотношений в этой тематической группе.

И ещё: причины подвижности родовых и видовых соотношений здесь объясняются и тем, что тематическая группа обиходно-бытовых названий полевых культур со временем превратилась в одну из основных терминологических систем науки о сельском хозяйстве и стала развиваться в соответствии со своим новым статусом.

Как видим, отбор специальных источников помогает восстановить один из лексических процессов – смещение родовых и видовых соответствий в тематической группе обиходно-бытовой лексики, в которой, как казалось ранее, не происходило никаких изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – С. 151.
2. Книга ужинная отписному хлебу деревни Раменье и пустошей Никольского погоста Бежецкой пятины. – (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1209, оп. 300, Поместный приказ. Вотчинная контора, № 16935, л. 86 об. 1586 г. (Орфография рукописей упрощается).
3. Книга посевная и умолотная ржи и яровому хлебу житника Измаила Кирилло-Белозерского монастыря. – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, № 684, л. 6 об. 1606 г.
4. Книга посевная яровому хлебу житника Аверкия Захарьина Кирилло-Белозерского монастыря. – РГАДА, ф. 1441, оп. 1, № 948, л. 1. 1676 г.
5. Книга ужинная и опытная овсу и ячмени старосты Сидора Савельева села Хрепилёва Суздальского Покровского монастыря. – Государственного архив Владимирской области, ф. 575, оп.1 (далее

- ГАВО), № 229, л. 49 об. 1698 г.
6. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря Древней России. – М.; Л., 1937. – С. 115.
  7. Книга засевная Полянской волости Новгородского Софийского дома. – РГАДА, ф. 210. Разрядные вязки, вязка 1, № 3, л. 2 об. 1605 г.
  8. Книга высевная ярового хлеба келаря Иосифа Москвитина Иосифо-Волоколамского монастыря. – РГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 30а, л. 12–16. 1617 г.
  9. Шахматов А.А. Исследование о двинских грамотах XV в. – Ч. I и II // Исследования по русскому языку. – Т. II. – Вып. 3. – СПб., 1903. Грамота 35.
  10. Чернышёв В.И. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов – Сборник Отделения русского языка и словесности – СПб., 1902. – Т. 71. – № 5. – С. 13.
  11. Книга умолотная и посевная овсу, житарию и гороху целовальника Фрола Овдокимова села Бережок Шиловского двора Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 302, л. 65–66. 1697 г.
  12. Словарь русских народных говоров. – Л., 1972. – Т. 9. – С. 188.
  13. Опыт словаря говоров Калининской области. – Калинин, 1972. – С. 61.
  14. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. – СПб., 1806–1822. – Т. 1–6. – Т. 2. – С. 463.
  15. Память старосте села Новосёлки Нерльской Тереше Заплатину и целовальнику Ягане Ларионову о высеве ярового хлеба 1633 г. // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – М., 1984. – С. 34.
  16. Отписка Мишки Клепикова об уплате оброчных денег 1653 г. // Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. – М., 1984. – С. 224.
  17. Книга посевная овсу, грече и ярой ржи старосты Семена Яковлева села Усолье Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 234, л. 48. 1686 г.
  18. Книга посевная и расходная овсу, грече и ярой ржи старосты Кирилла Сидорова села Усолье Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 238, л. 12. 1688 г.
  19. Книга ужинная и опытная овсу, грече и ярой ржи старосты Прокофья Игнатьева села Усолье Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 238, л. 44–45. 1688 г.
  20. Трубачев О.Н. К вопросу о реконструкции различных систем лексики // Лексикографический сборник. – М., 1963. – Вып. 6. – С. 4–5.
  21. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. Избранные труды / К 100-летию со дня рождения. – М., 2008. – С. 229.
  22. Книга ужинная, умолотная и высевная ржи келаря Иосифа Москвитина Иосифо-Волоколамского монастыря. – РГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 30а, л. 16. 1617 г.
  23. Книга ужинная, опытная и посевная ржаному хлебу села Хрепилева старосты Сидора Савельева Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 229, л. 23–24 об. 1698 г.
  24. Книга записная и умолотная овсу пшенице гороху старосте Никону Кириллову да целовальнику Данилу Иванову села Шипова Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 23, л. 10–16 об. 1659 г.
  25. Книга посевная и приполонная порядчика Матфея Троицко-Гледенского монастыря. – РГАДА, ф. 1187, оп. 1, ч. 1, № 1417, л. 1. 1683 г.
  26. Книга ужинная и опытная овсу, пшенице, ячменю, гороху и льну старосты Михаила Семенова и Григория Васильева села Гавриловского Суздальского Покровского монастыря. – ГАВО, № 229, л. 54. 1698 г.
  27. Книги умолотному хлебу ржаному и яровому – Н.К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство. – СПб., 1910. Т. I. – Вып. II. Приложение А.Б. – С. OXLIV. 1616 г.
  28. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 529.
  29. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 70.
  30. Книга посевная Пельмского острога. – РГАДА, ф. 214 Сибирский приказ, оп. 1, № 67, л. 114. 1636 г.
  31. Сельскохозяйственная энциклопедия. – М., 1973. – Т. 6. – С. 155.

L. Astakhina

THE DEVELOPMENT OF THE THEMATIC GROUP OF THE WORDS

Abstract: The article is dedicated to development of the thematic group of the words designating field crops in XVI–XX centuries. The author proves, that when the thematic group changes into terminology, its aspect and gender also change.

Key words: theme group, term, generic and specific compliance.